

ТЕОРИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И ПРИРОДА НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет. Для связи с автором: nrozov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 11.05.2015. Принята к печати: 26.08.2015

Аннотация. Данная статья представляет собой двойной мыслительный эксперимент, отвечающий на следующие вопросы: 1) насколько далеко можно продвинуться на основе абстрактной теории, включающей небольшое число базовых категорий и постулатов, в объяснении динамики политических режимов и переходов между ними; 2) какие эвристические возможности дает такая теория для осмысления природы неопатримониальных режимов. Используется веберовская парадигма четырех рядоположенных социальных сфер: административной, военной, экономической и идеологической (культурной, религиозной, символической). Этим сферам соответствуют социальные универсалии: *власть, насилие, собственность* и *символы*, – которые при соединении с функциональной схемой А. Стинчкомба эксплицируются как гомеостатические переменные – главные предметы заботы социальных акторов. Критически переосмысляются понятия политического режима, политического отношения, политического взаимодействия, рутинных и конфликтных стратегий. Трансформация политического режима определяется через изменение определяющего его комплекса стержневых политических отношений. Рассматриваются условия режимных кризисов как конфликтов между акторами, для которых становятся неприемлемыми уровни базовых гомеостатических переменных, основные типы политических отношений (от изоляции и полного господства до равного партнерства и интеграции), а также закономерности становления каждого такого типа отношений. Патримония, будучи антитезой бюрократии, всегда возрождается и усиливается при ослаблении государства и его формальных правил и институтов. Средствами данного понятийного аппарата раскрывается природа неопатримониализма, включающего сердцевину патримонии – сеть клиентарно-патронажных отношений, а также и декларативную оболочку демократических институтов и формальной государственной бюрократии.

Ключевые слова: политические режимы; трансформация режимов; политические отношения; политические взаимодействия; политические стратегии; неопатримониализм; господство; гегемония; партнерство; доминирование; политические кризисы; конфликты; конфликтная динамика.

Адекватным теоретическим описанием политической сферы может и должна стать только гибкая, развивающаяся сеть теорий и моделей¹, разные элементы которой также должны быть увязаны с концепциями смежных наук: от социологии, психологии, антропологии, экономики до демографии, экологии и истории техники. Тем не менее, вся эта актуальная и потенциальная сложность всегда будет нуждаться в некотором общем каркасе, в онтологии.

¹ Так, Р. Коллморген выделяет десять крупных направлений в исследовании трансформации коммунистических режимов и призывает к синтезу [Kollmorgen 2013].

Абстрактные схемы и теории, ухватывающие главные моменты и факторы динамики, как раз и играют роль такого каркаса.

Данная статья представляет собой двойной мыслительный эксперимент, отвечающий на вопросы, во-первых, о том, как далеко можно продвинуться — на основе абстрактной теории, включающей небольшое число базовых категорий и постулатов, — в объяснении динамики политических режимов и переходов между ними; и, во-вторых, о том, какие эвристические возможности может дать такая теория для понимания природы неопатримониалистских режимов.

Воспользуемся вебериянской парадигмой четырех рядоположенных социальных сфер (сетей по М. Веберу и М. Манну): административной, военной, экономической и идеологической (культурной, религиозной, символической). Этим сферам соответствуют социальные универсалии: *власть* (принуждение и свобода от принуждения), *насилие* (а также контроль над насилием, безопасность), *собственность* (богатство, капитал) и *символы* (святыни, ценности, принципы). Сформулируем:

ПРИНЦИП УНИВЕРСАЛЬНОСТИ БАЗОВЫХ СТРЕМЛЕНИЙ

Каждый актер (индивид, солидарная группа, способная к коллективным действиям) стремится сохранить, а при возможности — укрепить свои позиции (достичь доминирования, встать вровень с сильными, избежать ущемления и ущерба):

- в безопасности, могуществе, контроле над насилием;
- в структурах власти, подчинения, принятия решений, в свободе от принуждения;
- в доступе к благам, ресурсам, в собственности, благосостоянии, богатстве;
- в статусе, престиже, чести, достоинстве, в причастности к символам почтения и поклонения (святыням, ценностям), в уровне членства среди себе подобных.

Здесь указаны известные *социальные универсалии* в вебериянской традиции, которые, в частности, развивал М. Манн, говоря о сетях социального могущества [Mann 1987].

Для описания и объяснения динамики взаимодействий нужна возможность, с одной стороны, учитывать действия и состояния каждого участника, с другой стороны, фиксировать общие следствия их взаимодействия. Для первой задачи подходит эвристичная функциональная схема Артура Стинчкомба [Stinchcombe 1987]. При ее соединении с вебериянским принципом об универсальных стремлениях получаем следующую конструкцию.

Каждый актер заботится, как минимум, о четырех гомеостатических переменных, т.е. предпринимает усилия, осуществляет стратегии, направленные на то, чтобы значения каждой из них не опускались ниже критического уровня (который со временем тоже может меняться) и в целом соответствовали желательному уровню (опять же аппетиты могут и расти, и падать). Эти переменные соответствуют вебериянским универсалиям и условно названы следующим образом:

- *сила* (как обеспечение безопасности и / или могущества) *vs* *слабость, уязвимость*;

- *власть* (господство, гегемония, доминирование) *vs подчинение*;
- *богатство* (накопления, благосостояние, доступ к ресурсам) *vs бедность*,
- *престиж* (достоинство, честь, легитимность, причастность к святыням и ценностям) *vs унижение* (отверженность, дискредитация, изгойство).

Значения этих переменных для актора повышаются благодаря предпринимаемым им *стратегиям* (включению, усилению активности *обеспечивающих структур*). Для каждой гомеостатической переменной есть свой набор стратегий. Каждая стратегия имеет *издержки*, которые при определенных условиях негативно действуют на другие гомеостатические переменные. Например, силовое подавление противника всегда затратно (снижает накопления), а также при определенных условиях может снизить престиж актора (как агрессора). Однако в других условиях такое же подавление может облегчить ему доступ к ресурсам (увеличить накопления и богатство) и повысить его престиж (как освободителя).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И КОМПЛЕКС СТЕРЖНЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ритм политической жизни каждого общества представляет собой чередование относительно стабильных периодов с неким порядком взаимодействия и нестабильных периодов, когда этот порядок существенно нарушается, после чего он либо восстанавливается, либо происходит переход к иному порядку (режимная трансформация).

Режим как родовое понятие [Goudsblom 1996; Spier 1996] означает совокупность рутинных процессов, т.е. воспроизводящийся в течение некоторого времени порядок.

Политическое традиционно определяем как сферу борьбы за власть и использование власти (способности одних навязывать свою волю другим). Поскольку нас интересует макромасштаб повторяющихся процессов (что происходит в обществе), речь пойдет о такой власти, которая устанавливает правила поведения (законы, нормы, санкции), принуждает к их исполнению, а также устанавливает цели и правила распоряжения общественными ресурсами. *Политическим взаимодействием* будем называть такое, при котором участники стремятся укрепить или подорвать установленные властные отношения, усилить свои позиции, изменить свой или чужой доступ к ресурсам, преобразовать правила обретения и использования власти. *Политическое отношение* — структура принимаемых участниками позиций с сопутствующими правилами, возможностями и ограничениями для политического взаимодействия между ними.

Под *политическим режимом* будем понимать часть (или аспект) порядка политических взаимодействий в обществе относительно условий, норм и правил достижения и использования власти. Порядок взаимодействий означает повторяющиеся, однотипные процессы взаимодействия, а они задаются сложившимися отношениями. Поэтому политический режим всегда структурирован отношениями, так или иначе связанными с властью².

Легитимность (правителя, лидера, группы, партии или иного политического актора, всего режима, идеологии) понимается как уровень признания прав пользования властью и/или претензий на власть, обоснованности правле-

² Наряду с “политическим режимом” принято также использовать понятие “политическая система”, которую в данном аппарате можно определить как динамическую совокупность связей и отношений между позициями, акторами, ресурсами и прочими элементами политического режима. Для целей настоящего рассуждения это понятие избыточно.

ния, практик и институтов установления правил, принуждения, управления, контроля, наказания и т.д. Легитимность является переменной, кроме того, ее типы в современных условиях целесообразно подразделять не по Веберу (традиционная, харизматическая и целерациональная), а на основе различения легитимирующих субъектов (силовая, авторитетная, популярная, международная) и по критерию ее обоснования (признание *de facto*, формально-нормативная и общеправовая) [Розов 2014: 91-92].

Конфликтное взаимодействие как частный случай политического нередко происходит тогда, когда стратегии или само существование актора на территории угрожает интересам другого актора на той же территории. Например, присутствие актора (герцогства, этнического анклава, вольного города, самостоятельной провинции) мешает другому актору (королю, царю, президенту, правящей группе в государстве) осуществлять могущество (контролировать насилие), угрожает безопасности накоплений, снижает престиж, препятствует осуществлению власти (распространению законов, судов, фискальных и прочих институтов).

Политическое взаимодействие состоит из цепочек влияющих друг на друга и чередующихся стратегий участников. Разные конфигурации (паттерны) таких взаимодействий ведут к разным “седловым точкам” — устойчивым *политическим структурам, институтам* или к рецидивирующим конфликтам с насилием (что при достаточной длительности борьбы также следует считать “устойчивой структурой конфликта”).

Исходную онтологию политического режима представим следующим образом. *Расположенные на некоторых территориях акторы со своими ресурсами включены в структуру политических отношений и взаимодействий с другими акторами относительно власти — занятия тех позиций в отношениях, которые позволяют навязывать свою волю другим (господствовать, править, командовать), в том числе: контролировать отношения и порядок занятия позиций (осуществлять административное управление и расстановку кадров), устанавливать правила взаимодействий, доступа к ресурсам, условий и ограничений их использования (правовое регулирование, контроль за распределением и обменом).*

Очевидно, что для каждого режима не все эти отношения равнозначны. При смене одних режим сохраняется, но при смене других существенно меняется, перестает быть самим собой, распадается или становится иным режимом, поскольку меняется и большинство других структурирующих режим отношений. Таким образом, специфика каждого режима задается определенными *стержневыми отношениями*, которые вначале для простоты будем считать бинарными (актор-актор), хотя для более детальных различений могут понадобиться тернарные (тройственные) и более сложные отношения.

Разнообразие стержневых отношений можно структурировать, отвечая на вопрос: кому принадлежит при данном режиме основная власть и каким образом она осуществляется?

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Расположим основные типы отношений на шкале между добровольной тесной коалицией равных участников (которая в пределе интегрируется и становится единым актором) и крайним антагонизмом с прекращением взаимодействий в результате изоляции или уничтожения одного актора другим (что, увы, случается в политике с применением насилия):

- а) долгое время возобновляемые однотипные конфликты между акторами;
- б) самоизоляция, изоляция (блокада) или взаимная изоляция;
- в) полное господство и поглощение (одного актора другим, когда подчиненный теряет субъектность);
- г) неполное господство, или гегемония (одного актора над другим с сохранением определенной автономии последнего);
- д) партнерство с преобладанием, или доминированием (одного актора над другим, причем отношения добровольные);
- е) равное партнерство (между акторами);
- ж) коалиция с равенством (значительная автономия акторов, но при необходимости они действуют вместе);
- з) интеграция с равенством (малая автономия акторов, их способность постоянно действовать как единое целое, фактически, это гегемония коалиции над ее членами).

Данные типы отношений бывают достаточно стабильными, устойчивые комплексы отношений являются седловыми точками, соответственно, вокруг этих стержней выстраиваются политические режимы. Трансформация (существенное, структурное изменение) режима состоит в смене его стержневого комплекса отношений, в переходе от одной седловой точки к другой.

Рассмотрим выбор стратегий во взаимодействиях. Поскольку трансформации режимов предполагают смену стержневых отношений, прежний тип рутинных взаимодействий сменяется новым типом, а это всегда происходит в результате конфликтных взаимодействий — последовательности “ходов”, или стратегий акторов, в динамике противостояний и коалиций.

От чего же зависит выбор стратегий? Присоединяем к функциональной схеме А. Стинчкомба концепцию оперантного обусловливания Ф. Скиннера [Скиннер 1986] и получаем:

ПРИНЦИП ВЫБОРА СТРАТЕГИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПОДКРЕПЛЕНИЯ

Каждый актер продолжает применять стратегию, которая приносит успех (повышает значения целевой переменной при том, что ее издержки не слишком угнетают остальные значимые переменные) и сменяет стратегию при провале, выбирая новую из доступного арсенала по правилу инверсии (“сделаем наоборот”).

В простой схеме можно считать такой арсенал стратегий ограниченным (например, подавление и компромисс) и общим для всех акторов. В более сложных и реалистичных версиях учитываются индивидуальные и более широкие арсеналы стратегий для каждого актора.

От чего же зависит самоподкрепление стратегий, положительное или отрицательное? Универсальный, хотя и бесполезный ответ: а) “от институционального контекста”. Кроме этой “палочки-выручалочки” есть еще два ответа, которые хоть и не дают полной ясности, но верно направляют внимание: успех или неудача стратегии каждого актора зависят: б) от результатов конфликтной динамики — взаимодействия с другими акторами, складывающихся конфликтных и коалиционных отношений, и в) от соотношения ресурсов в главной схватке — “агоне” (будь то выборы, суд, попытка импичмента, уличное противостояние или гражданская война).

С учетом двух последних ответов становится возможным прояснить и смутный первый. Институциональный контекст включает акторов, но с особым

вниманием к их позициям, ресурсам, правилам поведения, типовым стратегиям и ожиданиям. Контекст определяет возможные и вероятные поля взаимодействия (от публицистики и выборов до арестов и силовых акций, политических убийств), а также ожидаемые актерами награды и издержки от выбора тех или иных стратегий. Суммируем сказанное в следующем постулате: названном нами принципом преимущества в решающей схватке.

Успешными и положительно подкрепляющими являются те стратегии актора, посредством которых он создает коалицию и смещает локус всеобщего внимания в то поле взаимодействия, где ко времени начала решающей схватки (или серии столкновений) эта коалиция обладает ресурсным преимуществом при учете сложившихся институциональных правил в данном поле.

УСЛОВИЯ И СЛЕДСТВИЯ НЕСОГЛАСИЯ – КОНФЛИКТНАЯ ДИНАМИКА

Вообще говоря, несогласиями, противоборствами занимается отдельная научная дисциплина – конфликтология. Не следует пытаться перечислять даже основные типы разнообразных причин конфликтов. Зато можно посмотреть, какие причины позволяет выявить заданная модель, причем причины эти должны быть столь же фундаментальными, сколь фундаментальна лежащая в основе модели онтология политической сферы.

Пойдем от обратного. Что предполагается при устойчивости политических отношений с учетом постулированной вебериянской четверки базовых интересов каждого актора? Здесь интересы сохранения некоторых приемлемых уровней *силы* (могущества, безопасности), *власти* (роли в принятии решений, в определении принципов и правил социального порядка), *богатства* (благополучия, накоплений, собственности) и *престижа* (достоинства, статуса) должны быть соблюдены для обеих сторон продолжающегося взаимодействия.

Соответствует ли это состоянию “общего довольства” и “справедливости”? Отнюдь нет. Речь скорее о “приемлемости”, зависящей от степени неравномерности распределения четырех соответствующих типов ресурсов. Грубо говоря, чем больше преимущество у доминирующего актора в силовом ресурсе (военной организации, вооружении), во властном ресурсе (структурах контроля, администрирования), в финансах и материальных ресурсах, в престиже и легитимности, тем вернее зависимый актер будет оценивать как приемлемое даже свое ущемленное положение.

Основой возникновения и эскалации конфликта становится *политическое несогласие* между актерами, когда хотя бы один актер не только ущемлен в том или ином интересе, но и воспринимает действия другой стороны как приносящие ущерб, *неприемлемый* в степени, побуждающей его отвергнуть соглашения и навязываемую структуру отношений.

Общая причина таких явлений – нарушение сложившегося баланса хотя бы в одном аспекте. Либо доминирующий актер ослаб, утерял контроль, обеднел, утратил легитимность, либо зависимый актер вдруг усилился, сплотился, разбогател, обрел такие символы и идентификационные приоритеты, которые уже не позволяют терпеть прежнее унижение. Таково общее динамическое условие политического несогласия.

Несогласие может быть скрытым и долгим. Открытое несогласие – протест (мятеж, восстание и проч.) уже означает начало явного конфликта. Условие конфликта заключается в том, что слабейший актер (в аспекте силового

ресурса и доминирования) все же обладает достаточными ресурсами для сопротивления. В противном случае он был бы подавлен и запуган. Условие продолжения конфликта касается ресурсов сильнейшего (в том же смысле) актора, которых не хватает для быстрого подавления слабейшего, лишения его ресурсов и возможностей сопротивления.

Наконец, охватывающий институциональный контекст (общие для акторов авторитет, влияние, давление внешних держав, могущественного правителя, права и суда) может перевести конфликт в мирное русло, смягчить, способствовать разрешению, либо напротив, способствовать взаимному отчуждению конфликтующих сторон и эскалации борьбы. От чего это зависит — отдельный сложный вопрос, но в любом случае значимы интересы и символы солидарности (ценности, святыни) наиболее могущественной внешней коалиции.

ПРИНЦИП НЕОБХОДИМЫХ И ДОСТАТОЧНЫХ УСЛОВИЙ КОНФЛИКТА

При сочетании следующих условий:

- *ставшее неприемлемым ущемление базовых интересов хотя бы одного актора в отношениях стержневого комплекса режима;*
- *достаточность ресурсов у слабейшего для сопротивления;*
- *недостаточность ресурсов у сильнейшего для подавления;*
- *отсутствие охватывающего контекста с акторами и/или правилами, авторитетными для противостоящих сторон;*

непременно произойдет *столкновение интересов и стратегий, ведущее к конфликту, к кризису политического отношения* вплоть до его разрушения, эскалации взаимной агрессии, смены власти, распада или трансформации режима.

Эскалация конфликта объясняется тем, что обе стороны, получив отрицательный эффект от использования обычных, мирных стратегий, переходят ко все более агрессивным стратегиям вплоть до вооруженного насилия. Это — известный в психологии эффект “сдвига средства на цель”: первоначально стратегии воздействия на противника имели целью восстановление гомеостатических переменных (чтобы выполнял правила или подчинялся, платил как положено, “не слишком воображал” и оказывал требуемые почести, не самовольничал и не применял насилие без санкции и против правил и т. д.); но при сопротивлении и противодействии такое воздействие на противника для его подавления и подчинения становится уже не средством, а целью. Иными словами, появляется новая гомеостатическая переменная — “победа в борьбе”, перетягивающая на себя все внимание и ресурсы, тем более, когда конфликт доходит до уровня военного противостояния (“победа любой ценой”). При этом известный стереотип “жестокостью ответим на жестокость” объясняется не надеждой на выгоды и на победу благодаря собственной жестокости, а глубинным механизмом мести — перетекания эмоций страха в гнев и агрессию относительно источника угрозы. Одновременно преодолевается опасность утраты престижа, опасность оказаться в позиции униженного, не ответив на понесенный ущерб и обиду.

Конфликт может завершиться победой одной из сторон, взаимным истощением, разрушением и выигрышем третьей стороны, заключением мира,

временным перемирием с сохранением отчуждения, вражды и новыми волнами взаимной агрессии. Результаты зависят как от соотношения ресурсов, так и от того, какие из структур и групп, выстраиваемых каждой из сторон конфликта, преобладают: больше заинтересованные в умиротворении или в продолжении борьбы.

СЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БЕЗ ДОСТИЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ

Большой перевес сил одного из акторов, высокое взаимное отчуждение (часто следствие прежних конфликтов с насилием), ожесточенное сопротивление слабейшего (из-за отсутствия опыта подчинения или неприемлемости такового) приводит к *вытеснению с территории или уничтожению* противника (победитель / беглец или победитель / жертва). Такому результату также способствует то обстоятельство, что для победителя эффект от ожидаемого выигрыша от вытеснения или уничтожения проигравшего (при острой нужде в территории и ресурсах, ослаблении ограничивающего институционального контекста, отсутствии внешних субъектов, способных препятствовать такому вытеснению или уничтожению) перевешивает возможные негативные последствия.

Высокий уровень отчуждения между субъектами как результат прежних конфликтов с насилием, примерное равенство ресурсов, не позволяющее кому-либо одержать надежную победу, невозможность повысить уровень насилия (недостаточного для истощения) приводит к *длительным рецидивирующим конфликтам* (враг/враг). При этом, как правило, отсутствует или ослаблен ограничивающий институциональный контекст, а во внутренней структуре хотя бы одного актора доминирующая группа укрепляет свои позиции благодаря конфликту и рискует утратить эти преимущества при умиротворении (“кому война, а кому – мать родна”).

Большое превосходство одного из акторов в силовых и символических ресурсах позволяет ему склонить слабейшего к предпочтению сдаться на милость победителю, что порождает ситуацию *полного господства* – поглощения противника и лишения его субъектности (господин / слуга, империя / провинция). В таких случаях обычно победитель обладает опытом, институтами и практиками полного подчинения; для проигравшего подчинение предпочтительней ухода и сопротивления; институты полного подчинения (с практиками прямого принуждения и изъятия ресурсов) ему знакомы и принимаются.

Следующее условие касается физических свойств территории взаимодействия и расположения на ней акторов и их ресурсов. Назовем *политической делимостью* такое свойство территории, которое позволяет провести границу, расположиться актерам по обе ее стороны и минимизировать нежелательные взаимодействия. Примерное равенство в силе и остальных ресурсах, отсутствие для каждой стороны выигрыша при продолжении насилия, высокий уровень отчуждения хотя бы с одной стороны, низкая заинтересованность сторон в обменах, экономических и культурных, – при наличии политической делимости территории ведет к *размежеванию, к взаимной или односторонней изоляции* (случаи Кореи и Кипра, обмена меньшинствами между Турцией и Грецией в середине 1920-х годов и др.). Для изоляции также необходима доминирующая позиция центральной власти и эффективный запрет трансграничных связей. К самоизоляции ведет опыт столкновения с внешними

субъектами, свидетельствующий о реальной угрозе ослабления или утери этого доминирования. В плане территориальной конфигурации: чем меньше потенциальных пунктов взаимодействия, тем легче их контролировать, то есть оптимальными для самоизоляции являются либо остров с немногими доступными бухтами, либо горная местность с немногими дорогами, перевалами.

СЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ СОГЛАСИЯ

Примирение, достижение согласия, компромисс как результат конфликтного взаимодействия достигаются при интенсивных и эффективных коммуникациях (переговорах), при отсутствии решающего перевеса в силе, общей усталости, истощении в ходе борьбы.

Большое превосходство сильнейшего актора в ресурсах господства (предложение приемлемых условий подчинения), в экономических (посул и подкуп) и символических ресурсах (способность к убеждению, навязыванию образа ситуации) приводит к установлению *частичного господства, или гегемонии с сохранением автономии* побежденного и/или подчиненного (сюзерен / вассал, патрон / клиент). Проигравший в конфликте сохраняет ресурсы, на которые победитель не в состоянии претендовать из-за недостаточного преимущества в силе и способностях контроля, из-за ограничивающего внешнего контекста или по иным причинам.

Непросто отличить гегемонию от несимметричного партнерства, тем более, что они нередко переходят друг в друга. Будем считать главным отличительным признаком добровольность слабейшего партнера в отношениях с сильнейшим при наличии у первого реальных альтернатив, что означает также свободу внешних отношений слабейшего, над которыми у сильнейшего партнера нет полного контроля.

Иными словами, вассал (клиент), могущий свободно переходить к другому сюзерену (патрону), находится в отношении несимметричного партнерства. Если же такой поступок сильнейший актор не только считает “предательством”, но способен применить эффективные санкции, запугав тем самым остальных своих вассалов (клиентов), то перед нами уже не партнерство, а гегемония.

Условия для установления *неравного (несимметричного) партнерства* (патрон/клиент) схожи с условиями гегемонии, но сильнейший актор здесь либо не имеет достаточного могущества, чтобы контролировать слабейшего, отбирать у него ресурсы, либо отказывается от этого контроля из-за ограничивающего контекста (противодействие внешних акторов, общепринятые правила), из-за принимаемой идеологии. При этом сильнейший имеет достаточно экономических и символических ресурсов, опыт и институты доминирования (навязывания несимметричных обменов в возобновляющихся переговорах и т.д.), чтобы обеспечить большую привлекательность партнерства с собой. Если внешняя угроза (либо природная, либо со стороны внешних субъектов) или напряженность состязания достаточно сильны, каждый участник для сохранения своих позиций заинтересован в создании коалиции неравных союзников, где сильнейший обычно сохраняет большую свободу, а слабейший несет большие тяготы.

К *равному (симметричному) партнерству* ведут примерное равенство акторов в силе и остальных ресурсах, отсутствие выигрыша при продолжении

конфликта для каждой стороны, низкий уровень взаимного отчуждения, высокая заинтересованность сторон в обменах, экономических и культурных связях. В данном случае для противостояния внешней угрозе (природной, либо со стороны внешних акторов) каждый участник симметричного партнерства заинтересован в создании коалиции равных союзников.

Интеграция (с равными или неравными участниками объединения) является результатом укрепления коалиции, когда регулярные переговоры, принятие общих решений институционализируются, появляются общие органы управления, как правило, коллегиальные и/или со сменяемым по той или иной процедуре лидерством. При интеграции обычно сакрализируются сами правила взаимодействия, особенно те, что препятствуют узурпации власти одним из акторов (Венецианская республика, Нидерланды, Швейцария, современные консолидированные демократии). Распад таких режимов также возможен, но при условии серии провалов власти, соответствующей делегитимации не только лидеров, но самого политического устройства и его правил, а также при взлете престижа одного из акторов (обычно в результате триумфальных военных побед).

Рассмотрим трудный случай достижения устойчивого мира и равного партнерства после долгого противостояния с агрессией и взаимным насилием (международная война, гражданская война, вендетта и пр.). Здесь “добрая воля”, “миролюбие” не достаточны для объяснения, поскольку сами должны быть объяснены. Устойчивый мир — это всегда седловая точка для обеих сторон, когда их гомеостатические переменные поддерживаются адекватными обеспечивающими структурами, а напряжения и издержки не слишком велики, чтобы вывести из равновесия. С учетом функциональной модели А. Стинчкомба формулируем необходимые и достаточные условия для достижения такого состояния из начальной ситуации крайней вражды и массивованного взаимного насилия:

- агрессивные стратегии не получают уже положительного подкрепления;
- каждая сторона потеряла надежду на свою победу; тем самым резко снизилась значимость гомеостатической переменной “победа в борьбе”;
- вновь на первый план вышли базовые переменные, связанные с благосостоянием, могуществом, престижем; теперь продолжение борьбы им угрожает (чужая агрессия как источник опасных напряжений), тогда как мир, даже ценой компромиссов и уступок, обещает возможности восстановления;
- мирный договор ограничивает, блокирует действия каждой стороны, которые создают опасные напряжения для другой стороны;
- каждая сторона, возможно при поддержке внешних акторов (авторитетных судей, коалиции великих держав и т.п.), обладает способностью наказания такими санкциями нарушителя договора, ущерб которых явно перекрывает потенциальные выгоды от его нарушения.

ПАТРИМОНИЯ КАК АНТИТЕЗА БЮРОКРАТИИ

В традиционных аграрных обществах, как на многочисленных исторических примерах показал Р. Коллинз, преобладали патримониальные режимы. В дальнейшем по причинам геополитического характера (резко выросших потребностей ресурсной мобилизации) государства стали все больше проникать в общество, вплоть до каждого индивида (подданного, гражданина), что

и означало бюрократизацию и подрыв, вытеснение принципа патримонии — политических, экономических и статусных отношений, основанных на родстве и иных личных связях. Однако победа бюрократии и бюрократических безличных правил никогда не бывает полной и вечной. Всякий раз и везде, когда бюрократический контроль ослабевает, восстанавливается, либо заново рождается комплекс патримониальных отношений [Collins 2011; Коллинз 2015: 267-274].

Мощь и неистребимость принципа патримонии хорошо видна, если мы обратимся к началу рассуждения — четырем социальным универсалиям по Веберу. Действительно, государственная бюрократия, а также рациональные бюрократизированные системы в крупных компаниях, профессиональных сообществах, церквях, спортивных и прочих организациях стремятся монополизировать ресурсы и возможности взаимодействия, продвижения по всем четырем линиям:

- *занятие властных позиций согласно безличным правилам*, часто на основе выборов, со строгой регламентаций полномочий высших властных органов и процедуры назначения на должность, обычно — с учетом возрастного и образовательного ценза, а также иных формальных критериев;

- *строго регламентированное применение насилия*; право на насилие чаще всего предоставляется только силовым структурам (полиции, армии), государственная регламентация прогрессирующе проникает в сфере контроля над насилием, вплоть до лишения родительских прав и уголовного наказания за рукоприкладство в семьях;

- *бюрократическая система стремится полностью детерминировать статус* (престиж, достоинство, репутацию и проч.) каждого своего члена через систему рангов, званий, предоставление или лишение наград, привилегий, что нередко получает внешнее выражение (звездочки на погонах у военных, право на то или иное одеяние у священников и т.д.);

- *материальное обеспечение, согласно бюрократическому принципу*, должно, во-первых, поступать *исключительно через официальные бюрократические каналы* (жалование, премии), во-вторых, *прямо соответствовать занимаемой позиции в иерархии* (власть, статус, масштаб контролируемого силового ресурса).

Очевидно, что при ослаблении бюрократии, снижении действенности формальных правил и ограничений индивиды и группы ищут и всегда находят “боковые” (“левые”) пути укрепления, улучшения своих позиций по всем четырем линиям. Лидер или группа, накопившие преимущества в организационных, силовых, материальных и символических ресурсах, непременно будут нарушать ослабевшие бюрократические правила, выстраивать неформальные отношения в свою пользу и ориентироваться на отношения личной преданности, обмен услугами, что и приводит к формированию комплекса клиентско-патронажных связей.

Такова природа патримонии как антитезы и вечного (вероятно, никогда окончательно непобедимого) соперника бюрократии. В чем же тогда специфика неопатримониализма?

При осмыслении природы патримонии и неопатримониализма естествен соблазн определить их через те или иные описанные выше политические отношения. Такие попытки оказываются тщетными, поскольку патримониаль-

ными могут быть любые ассиметричные отношения в представленной шкале: полное господство (хозяин и холоп, раб), гегемония (помещик и крепостной, правитель и сатрап, наместник) и партнерство с преобладанием (лидер клана и его члены). Кроме того внутри (нео)патримониальных режимов устанавливаются и горизонтальные, относительно равноправные отношения, например, между кланами с сопоставимым весом и ресурсами (см. ниже).

Для понимания сущности патримонии требуется иное измерение. Эту шкалу можно назвать *уровнем бюрократизации*, понимая под последней силу, действенность и распространенность безличных формальных правил. Верхний полюс представляет собой веберовский идеал рациональной бюрократии (нигде не достигнутый и, вероятно, не достижимый в принципе). На нижнем полюсе той же шкалы располагается предельная *персонализация отношений*.

НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И ДЕМОКРАТИЯ

Наиболее детально в русскоязычной литературе суть и вариации неопатримониализма описаны харьковским исследователем Александром Фисун, который выделяет следующие принципы функционирования неопатримониальных систем:

“1) политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;

2) государство управляется как частное владение (*патримониум*) правящих групп – носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;

3) этнические, клановые, региональные и семейнородственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования” [Фисун 2010: 165].

Также обычно в неопатримониализме выделяют неформальное ядро, действующее по клановой логике отношений (патрон-клиент), и оболочку – формальные, официальные отношения и институты, служащие как легитимирующим основанием, так и инструментом политических стратегий ядра [Medard 1982; Гельман 2015]. Иными словами, неопатримониальный режим представляет собой кентаврическую структуру: неформальное, теневое патримониальное ядро в формальной, декларативной бюрократической оболочке.

Причем же здесь демократия? И почему концепт неопатримониализма используется применительно к “демократиям с прилагательными”? Дело в том, что демократизация – один из важнейших факторов (как, впрочем, и следствий) государственной бюрократизации. Демократия ведь предполагает ротацию власти по результатам выборов, разделение властей, формы реального участия граждан в управлении обществом, а для всего этого необходимы не только огромные массивы сложных безличных правил (начиная с составления списков выборщиков и регистрации кандидатов), но также и немалый аппарат чиновников, способных эти правила понимать и выполнять.

Таким образом, формула неопатримониализма (по А. Фисуну) усложняется, включая как патримониальное ядро, так и декларативную оболочку

институциональной демократии – единственного в современной политике варианта государственной бюрократии.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМА

Каков же стержневой комплекс отношений в неопатримониальном режиме? Данный вопрос не прост, поскольку при выходе за пределы идеал-типических режимов, структурированных только одним политическим отношением (см. выше), мы сразу обнаруживаем множественные комплексы отношений, выделение среди которых стержневого – нетривиальная задача.

Среди множества политических отношений (ПО), обнаруживаемых в ядре неопатримониального режима, выделим следующие:

ПО-1, клиентско-патронажные отношения внутри кланов и между кланами (группами), которые определяются как частичное господство (гегемония), когда гегемон способен навязывать свою волю, но подчиненный сохраняет контроль над собственными ресурсами, не лишаясь автономии, субъектности;

ПО-2, равное и неравное партнерство между индивидами, между кланами сопоставимого статуса, когда они обмениваются ресурсами, заключают временные коалиции;

ПО-3, конкуренция, борьба, вплоть до открытых конфликтов за дефицитные позиции и ресурсы между кланами сопоставимого статуса;

ПО-4, полное или частичное господство неформальной сердцевины режима над периферией – всеми группами, индивидами, не попавшими в сеть клиентско-патронажных отношений.

Несмотря на то, что внимание аналитиков сосредоточено обычно на отношениях ПО-1-3, важнейшим следует считать ПО-4, поскольку:

- само сочетание неформального “ядра” (патримонии) и официальной формальной “оболочки” (“как бы демократии”) призвано легитимировать господство “ядра”, а также его контроль практически над всеми общественными ресурсами, что означает оправдание отказа в доступе к этим ресурсам тем, кто исключен из “ядра” и его сети отношений;

- внутри самого “ядра” патронажные отношения ПО-1 не только регулируют отношения между акторами, но и направлены на закрепление указанного выше господства “ядра”³;

- остальные горизонтальные отношения – партнерские ПО-2 и конкурентные, конфликтные ПО-3 – являются вторичными относительно ПО-1, поскольку именно “патрон” (верховный клан, высшее должностное лицо) играет роль арбитра в их спорах, поощряет или наказывает, причем всегда с интенцией сохранения главного господства – ПО-4.

НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМ И ШКАЛА АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Почему же в важнейшем отношении ПО-4 оставлена альтернатива: полное или частичное господство? Здесь мы опираемся на продуктивную

³Ср.: “Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми, постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении ‘благ и привилегий’. В этом смысле, сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей” [Фисун 2010: 172].

идею Гюнтера Рота: "...типологически отождествление 'патримониального' и 'авторитарного' является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится, прежде всего, к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума" [Roth 1968: 197; перевод цит. по Фисун 2010: 163].

Неопатримониализм, если и может совмещаться с полноценной демократией, открытой публичной политикой, правовым обществом и конституционализмом, то лишь проявляясь в достаточно узких рамках. Действительно, когда правящая партия может проиграть выборы и мирно уступить власть (А. Пшеворски), когда каждого руководителя можно привлечь к суду, и независимый суд будет судить по закону, когда устанавливаются формальные и безличные правила взаимодействия, а ресурсы распределяются не секретно кланами в свою пользу, а открыто и в соответствии с формальными процедурами, когда журналисты и парламентские комиссии способны расследовать любые злоупотребления власти, то основания патримонии сокращаются подобно шагреновой коже.

Таким образом, вполне естественно и закономерно, что основное обиталище неопатримониализма — среди гибридных режимов, то есть авторитарных политических устройств, только рядящихся в одежды демократии.

Совместим ли неопатримониализм с традиционным авторитаризмом, с автократиями? Да, если они имитируют конституционность (наличие неподвластных монарху законодательных органов). Если же даже имитации не наблюдается, то приставка "нео-" становится излишней. Каждая полноценная автократия (династическая монархия, тирания, султанат и проч.) включает и патримонию (обращение с государством как с фамильной собственностью, вотчиной).

Иногда тоталитаризм противопоставляют авторитаризму, но корректнее первый считать крайним полюсом второго по измерениям свободы, защищенности прав личности, открытости, верховенства права, автономии отдельных акторов и т.д. *Специфика тоталитаризма* как крайнего полюса на этой шкале заключается в развитых институтах и практиках контроля над сознанием, в гипертрофии спецслужб с направленностью на подавление любых ростков несогласия и протеста, в полном контроле над СМИ, над системой образования, над детскими, молодежными, партийными, профессиональными организациями.

Во всех случаях откровенного тоталитаризма (сталинизм, немецкий нацизм, итальянский фашизм, кубинский коммунистический режим, Кампучия при Пол Поте, северокорейский режим) присутствовали та или иная популистская идеология ("для общего народного блага") и декоративные "народные" органы власти. Значит, в тоталитарном режиме есть формальная "оболочка" и "ядро" как реальная скрытая политика "среди своих", т.е. главные элементы, конституирующие неопатримониализм⁴.

Таким образом, продолжая и развивая идею Г. Рота, фиксируем, что неопатримониализм может располагаться на всех ступенях в лестнице авторитаризм / демократия, кроме, разве что, полноценной демократии (с открытым обществом, верховенством права и т.п.).

⁴ Отметим, что даже при отрицании термина "демократия" в официальной риторике тоталитарных режимов практически обязательным ее атрибутом является использование идеологом "народ", "народный" и т.п.

Как объяснить широкое разнообразие неопатримониальных режимов? Каковы закономерности и векторы их изменения, трансформации? Есть ли возможности и в чем заключаются условия их преобразования в полноценные консолидированные демократии? Эти важнейшие вопросы требуют отдельного обсуждения.

Гельман В.Я. 2015. *Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 44 с. Доступ: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (проверено: 04.10.2015)

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: опыты социологии большой длительности*. М.: УРСС. 504 с.

Розов Н. С. 2014. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 90-107. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.05.07>

Скиннер Б.Ф. 1986. Оперантное поведение. — *История зарубежной психологии. Тексты*. М.: Издательство МГУ. С. 60-95.

Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Политическая концептология*. № 4. С. 158-187.

Collins R. 2011. Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias. — *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636. P. 16-31. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002716211398201>

Goudsblom J. 1996. Ecological Regimes and the Rise of Organized Religion. — *Goudsblom J., Mennel S. The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. L.: V.E. Sharpe. P. 31-47.

Kollmorgen R. 2013. Theories of Postcommunist Transformation. Approaches, Debates, and Problems of Theory Building in the Second Decade of Research. — *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. Vol. 5. No. 2. P. 88-105.

Mann M. 1987. *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press. 560 p.

Medard J.F. 1982. The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or NeoPatrimonialism. — Clapham C. (ed.). *Private Patronage and Public Power*. N.Y.: St. Martin's Press. P. 162-192.

Roth G. 1968. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States. — *World Politics*. Vol. 20. No. 2. P. 194-206. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2009795>

Spier F. 1996. *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 113 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.5117/9789053562208>

Stinchcombe A. 1987. *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press. 303 p.

DOI: [10.17976/jpps/2015.06.15](http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15)

THE THEORY OF POLITICAL REGIMES' TRANSFORMATION AND NATURE OF NEOPATRIMONIALISM

N.S. Rozov^{1, 2}

¹*Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences). Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russia*

ROZOV Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Novosibirsk State University. Email: nrozov@gmail.com

Received: 11.05.2015. Accepted: 26.08.2015

Abstract. This article is a double thought experiment answering to the following questions: 1) how far one can go in explaining the dynamics of political regimes and transitions between them on the basis of an abstract theory, including a small number of basic categories and postulates; 2) what is the heuristical potential of the theory in explaining the nature of neopatrimonial regimes. The Weberian paradigm of four social spheres is used (administrative, military, economic and ideological / cultural / religious). These areas correspond to the social universals: power, violence, property and symbols. When combined with a functional scheme of A. Stinchcombe they are explicated as homeostatic variables: the main objects of concern of social actors. The concepts of political regime, political relations, political interaction, routine and conflict strategies are defined. Transformation of political regime is determined by the change in its core complex of political relations. The conditions of a regime crisis as a conflict between actors for which the levels of basic homeostatic variables become unacceptable (from isolation and full domination to equal partnership and integration) are considered, as well as the laws of formation of each such type of relationship. Patrimony as an antithesis of bureaucracy is always reborn and enhanced by weakening the state and its formal rules and institutions. The nature of neopatrimonialism includes a core patrimony (the network of patronage ties) and the declarative shell of formal democratic institutions which are constructed on impersonal formal principles of bureaucracy.

Keywords: political regimes; transformation of regimes; political relations; political interaction; political strategy; neopatrimonialism; hegemony; partnership; domination; political crises; conflicts; conflict dynamics.

References

Collins R. Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias. — *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 636. P. 16-31. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002716211398201>

Collins R. *Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run*. (Russ.ed.: Collins R. *Макроистория: опыты социологии дол'шой длitel'nosti*. Moscow: URSS. 2015. 504 p.)

Fisun A.A. By Rethinking of Post-Soviet Politics: Neopatrimonial Interpretation. — *Political Conceptology*. 2010. No. 4. P. 158-187. (In Russ.)

Gelman V.Ya. *Modernizatsiya, instituty i "porochnyi krug" postsovetskogo neopatrimonializma* [Modernization, Institutions and the "Vicious Circle" of Post-Soviet Neopatrimonialism. Preprint M-41/15]. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in Saint Petersburg. 2015. 44 p. (In Russ.) URL: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (accessed: 04.10.2015).

Goudsblom J. Ecological Regimes and the Rise of Organized Religion. — Goudsblom J., Mennel S. *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. London: V.E. Sharpe, 1996. P. 31-47.

Kollmorgen R. Theories of Postcommunist Transformation. Approaches, Debates, and Problems of Theory Building in the Second Decade of Research. — *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 88-105.

Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. 560 p.

Medard J.F. The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or NeoPatrimonialism. — Clapham C. (ed.). *Private Patronage and Public Power*. New York: St. Martin's Press. 1982. P. 162-192.

Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire Building in the New States. — *World Politics*. 1968. Vol. 20. No. 2. P. 194-206. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2009795>

Rozov N.S. The Legitimacy of Postrevolutionary Power: Principles and Criteria. — *Polis. Political Studies*. 2014. No. 5. P. 90-107. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2014.05.07> (In Russ.)

Skinner B.F. *Operant behavior*. (Russ.ed.: Skinner B.F. *Operantnoe povedenie*. — *Istoriya zarubezhnoi psikhologii. Teksty*. Moscow: Moscow State University Press. 1986. P. 60-95).

Spier F. *The Structure of Big History. From the Big Bang until Today*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 1996. 113 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.5117/9789053562208>

Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press. 1987. 303 p.